

О Д Н И

Эдуард Сероусов

Эдуард Сероусов

Одни

«Автор»

2026

Сероусов Э.

Одни / Э. Сероусов — «Автор», 2026

Марсианская колония Меридиан, сорок лет жившая на резервах и страховке Земли, празднует «День независимости». Главный инженер жизнеобеспечения Майя Торрес должна под аплодисменты свернуть дублирующий канал связи и вывести три «избыточных» биомодуля. Её мать, эколог Рейн, ранее снятая дочерью с эфира за «панику», умоляет не трогать буфер. Совет отклоняет возражения. В секунду, когда Майя заносит ладонь над сенсором, Земля внезапно замолкает в эфире — несущая частота без человека. Через сутки система пробивает порог. У колонии — одиннадцать суток до летального давления, миллионы километров до родины и пятнадцатилетняя девочка, рождённая здесь. Повесть о трёх поколениях, разнообразии связей и тонкой нити сигнала через мёртвый эфир.

© Сероусов Э., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Часть 1. Тишина	5
I	5
II	7
III	9
IV	11
Часть 2. Число	13
V	13
VI	15
VII	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Эдуард Сероусов

Одни

Часть 1. Тишина

I

Прибор на запястье Норы показал девяносто четыре, и Майя выдохнула — тихо, в сторону, чтобы дочь не услышала.

— Дыши ровно, — сказала она. — Система любит ровное.

— Я и так ровно. — Нора смотрела не на мать, а вверх, туда, где сквозь композит потолка просвечивала ребристая арматура модуля. — Девяносто четыре для меня нормально. Ты знаешь это лучше всех в Меридиане.

Майя знала. Она знала это число телом, как другие матери знают имя. Норе было пятнадцать, она родилась здесь, и её кровь несла больше красных клеток, чем кровь любого человека, рождённого под земным небом. Сердце билось медленнее. Лёгкие брали воздух скупее. Кости вытянулись длинными и тонкими в гравитации, втрое слабее той, что вылепила вид. Девяносто четыре процента насыщения, от которых взрослый землянин лёг бы под маску, для Норы были обычным утром.

Майя мерила эти показатели каждое утро пятнадцать лет. Сначала — потому что никто не знал, выживет ли ребёнок, зачатый и выношенный в трети земной тяжести, на воздухе из мембран; первый такой ребёнок во всей истории вида. Потом — потому что привыкла, как привыкают к молитве, смысл которой давно стёрся, а движение осталось. Сатурация, давление, плотность кости, гематокрит — Нору измеряли всю жизнь, заносили в протоколы, показывали комиссиям с Земли по защищённому каналу: смотрите, человек может родиться не здесь. Доказательство концепции. Экспонат под стеклом, который дышал, рос и однажды научился отворачиваться от датчика с тем же выражением, с каким когда-то отворачивалась от Майи её собственная мать.

— Не смотри на меня так, — сказала Нора, не отрывая глаз от потолка. — Я не сломаюсь оттого, что ты перестанешь мерить. Приборы нужны не мне. Они нужны тебе — чтобы было что держать под контролем.

Майя сняла датчик с тонкого запястья. Под ним, чуть выше, темнел старый матерчатый браслет — выгоревший, с латунной пряжкой.

— Ты опять его носишь.

— Он мой.

— Я знаю, чей он был.

Нора натянула рукав — быстро, текуче, как двигалась всегда. Тело, выросшее там, где падать почти не больно, не тратило лишнего. Землян это нервировало. Майя ловила, что нервничает и сама.

В модуле пахло металлом и чем-то слабо-озоновым — воздухом, который двенадцать тысяч раз прошёл через мембраны и катализаторы, прежде чем войти в эти лёгкие. Где-то за стеной ровно гудела вентиляция. Этот гул был фоном всей жизни Норы, как для земного ребёнка — шум листвы. Она никогда не слышала тишины. На Марсе тишина означала бы, что что-то сломалось.

— Сегодня будут камеры, — сказала Майя, складывая приборы в кофр. — Стой рядом. Не сутулься. Ты — лицо того, ради чего всё это.

— Я не лицо. Я эксперимент, который пока не сдох.

— Нора.

— Не называй меня чудом — и я не буду говорить «сдох». — Она наконец посмотрела на мать, и во взгляде было больше взрослого, чем Майе хотелось видеть. — Чудо — это когда не понимаешь как. Я понимаю как. Я просто здесь живу.

На поясе у Майи качнулся манометр — потёртая латунь, стрелка под треснутым стеклом, реликт первых модулей. Она давно вела весь кислород колонии через экраны и цифру. Но эту железку носила всегда. Привычка. Талисман инженера, который не до конца доверяет экранам.

— После речи будет включение, — сказала она, не оборачиваясь. — Свернём дублирующий канал. Под камеры. Символ. Что мы больше не висим на пуповине.

Молчание за спиной длилось на секунду дольше, чем нужно.

— Дублирующий — это связь с Землёй?

— Резервный. Основной остаётся.

— А бабушкин узел на периферии идёт через какой?

Майя застегнула кофр.

— Нора.

— Ты выключишь связь с бабушкой раньше, чем с Землёй. — Сказано было ровно, без злости, как диагноз. — Сегодня. Под камеры.

Майя подняла кофр. На «бабушку» она не ответила — потому что ответить было нечего, а нечего было потому, что Нора была права, а правота дочери в это утро стоила меньше всего на свете.

— Стой рядом. Не сутулься, — сказала она и вышла.

II

Центр жизнеобеспечения был сердцем колонии, и Майя любила его так, как любят место, которым умеют управлять. Три яруса экранов изгибались вдоль стен, и по ним текли зелёные кривые — парциальное давление кислорода, углекислый газ, влажность, восемь биомов, водяной контур, теплообмен. Сорок лет назад первые поселенцы привезли сюда жизнь в пробирках и канистрах. Теперь Меридиан дышал сам.

«Лицо колонии» — так её называли в трансляциях. Майя знала цену этим словам и не отказывалась от них. Кто-то должен быть лицом. Лучше тот, кто действительно держит дыхание в руках, чем тот, кто только говорит.

Майя прошла взглядом по нижнему ярусу — по привычке, с какой проверяют карманы перед выходом. Влажность в биооме-пять качнулась на полпроцента; она тронула сенсор, добавила полминуты распылителю, и кривая легла обратно, не успев даже отрисоваться тревожным цветом. Углекислый газ в жилом кольце полз к верхней границе — вечерняя смена, много людей, много дыхания; она перебросила поток с резервного скруббера, и цифра послушно осела. Это было даже не мастерство, а что-то ниже мастерства, в самих руках: пятнадцать лет она читала эти кривые, как другие читают лицо близкого, и колония отзывалась на касание прежде, чем успевала сбиться. Дыхание трёхсот человек шло через её пальцы, и пальцы знали его наизусть.

Ей нравилось это чувство, и она не стыдилась, что нравится. Есть люди, которые держат мир, и люди, которые о нём тревожатся; мать всю жизнь тревожилась, а Майя — держала, и в этом была вся разница между ними, какую Майя умела назвать.

— Кислород по куполам — норма, — Томас стоял у нижнего яруса, не отрывая голых ладоней от консоли. Костяшки у него были вечно потрескавшиеся: он терпеть не мог перчатки, говорил, что через них не чувствует машину. — Я прогнал теплообменник трижды. Поёт чисто. К сезону бурь готов, как невеста.

— Бури рано в этом году.

— Бури всегда рано, когда у тебя праздник. — Он усмехнулся, не поднимая глаз. — На горизонте уже марь стоит. Если церемонию тянуть — попадём в первый шторм прямо под камеры. Несвоевременно для дня независимости — захлебнуться пылью.

— Поэтому не тянем.

Майя вызвала схему резервирования. Дублирующий канал связи — раз. Три дублирующих биомодуля на периферии — два. Их вели в горячем резерве сорок лет: лишний кислород, лишняя биомасса, лишняя страховка. Лишнее стоило энергии, обслуживания, людей.

— Совет всё-таки подписал вывод биомодулей, — сказал Томас. Не вопрос.

— Подписал.

— Старая гвардия выла?

— Старая гвардия всегда воет. — Майя провела пальцем по красной линии отключаемых контуров. — Аргумент один на всех: а вдруг. А вдруг просадка, а вдруг отказ, а вдруг. На каждое «а вдруг» у нас есть Земля. Сорок лет, как только что-то трещало, мы тянули руку — и Земля досылала. Семена, штаммы, людей, запчасти. Резерв на резерв на резерв. Мы строили запасное человечество и при этом держались за подол первого.

— А теперь?

— А теперь мы скажем вслух: спасибо, мы сами. — Она остановила палец на биомодулях. — Если что — Земля дошлёт. Всегда досылала. Но мы перестанем строить колонию так, будто без этого она завтра умрёт. Перестанем бояться.

Томас наконец оторвал ладони от консоли и посмотрел на неё.

— У меня дочка спрашивает, почему мы выключаем то, что работает, — сказал он.
— Лена. Восемь лет. Я ей говорю: потому что мы выросли. А сам думаю — мы что, правда выросли? Или просто устали бояться и назвали это смелостью?

— Это одно и то же, Томас. В какой-то момент это одно и то же.

Он пожал плечами и вернул ладони на металл. Где-то под куполом, за тройным стеклом, по красной равнине тянулась бурая марь — далёкая, безобидная, как дым на горизонте. Майя её не заметила. Она смотрела на зелёные кривые, и кривые были ровные, и это было правдой, которую она знала телом: всё в норме.

III

Рейн пришла за час до церемонии, и Майя поняла это раньше, чем обернулась — по запаху. Влажная земля и что-то живое, растительное. В колонии, где всё росло в стерильной гидропонике под лампами, только один человек упрямо копал почву голыми руками. У матери под ногтями земля жила, кажется, с самого Марса.

— Не делай этого, — сказала Рейн вместо приветствия.

Она была сутулая — сильнее, чем год назад. Кости уходили; Майя знала, что мать давно могла бы лечиться, и знала, что мать отказалась. Самонаказание, подлинность, упрямство — Майя так и не решила, как это назвать.

— Здравствуй, мама.

— Замкнутая система не прощает гордыни. — Рейн говорила тихо, и от этой тихости было хуже, чем от крика. — Она не мстит. Она просто перестаёт дышать. Без злости. Ты выводишь буфер. Три биомодуля — это не «лишнее», это люфт. То, что гасит толчок, когда контур качнёт. Уберёшь люфт — и первый же толчок пойдёт без тормоза.

— Ты думаешь, она огромная и крепкая. — Рейн кивнула на кривые. — Сорок лет ровных линий. А она держится на тонком: на горстке видов, что опыляют, перерабатывают, дышат друг за друга. Выдерни один — пошатнутся остальные. Это не машина, у которой есть запас прочности, Майя. Это сеть. У сети нет прочности. У сети есть только связи. Рвёшь связь — и не знаешь заранее, которая была последней.

— Контур не качнёт. Сорок лет не качало.

— Сорок лет был буфер.

— Сорок лет была Земля. — Майя услышала в своём голосе усталость и не сумела её спрятать. — Мам. Я читала твои модели. Все читали. Пороги, опрокидывание, разгон потребления. Красиво. Но между красивой моделью и сорока годами стабильной работы я выбираю сорок лет.

— Между ними нет выбора. Сорок лет работали, потому что мы не трогали то, что держит. — Рейн шагнула ближе. — Майя. Я не прошу верить мне. Я прошу не разбирать страховку под аплодисменты только потому, что страх стал немодным.

В дверях за её спиной уже стояли двое из протокольной службы, и красный огонёк на камере дрожал, готовый. Через минуту это пойдёт в эфир — на все купола, на периферию, в архив, который смотрят на Земле. И мать продолжала говорить, не понижая голоса, как говорила всегда, везде, всю жизнь Майи: будто правота освобождает от такта.

— Доктор Рейн, — Майя выпрямилась, и голос её стал ровным и публичным, голосом лица колонии. — Совет рассмотрел ваши возражения. Они отклонены большинством. Сегодня мы празднуем независимость, а не страх. Если вам тяжело это видеть — вас никто не держит в зале.

Тишина встала между ними, плотная.

Рейн посмотрела на дочь долго — без обиды, что было хуже обиды. Потом положила на консоль свёрток. Тряпица, перевязанная бечёвкой; сквозь ткань проступали мелкие твёрдые комочки. Семена.

— Здесь то, чего у вас в каталоге нет, — сказала она тихо, только Майе. — На случай, когда красивая модель окажется права. Сохрани. Просто сохрани.

— Мама.

— Это не паника, Майя. — Рейн повернулась к выходу. — Паника — это вы. Сорок лет страховались, испугались своего страха и решили, что лекарство — выбросить аптечку.

Она ушла, прямая в плечах, насколько позволяли уходящие кости. Майя стояла, держа свёрток. Камера ждала. Через стекло купола садилось маленькое холодное солнце, и в его свете тряпица была старой и нелепой.

Майя выдвинула нижний ящик консоли и смахнула свёрток внутрь. Не выбросила. Просто убрала с глаз. Задвинула ящик коленом.

Потом прижала два пальца к собственной шее и сосчитала пульс, пока он не выровнялся.

IV

Зал под главным куполом вмещал всю свободную смену — почти триста человек, всё взрослое лицо Меридиана. Над головами изгибалось тройное стекло, и за ним стояла марсианская ночь: чёрное небо, ржавая равнина, и низко над горизонтом — крохотная голубая искра. Земля. Отсюда — точка, не ярче прочих, если не знать, куда смотреть. Все знали, куда смотреть.

Кляйн говорил первым. Единственная отглаженная форма в колонии пота и заплат, он стоял неподвижно, как умеют стоять люди, привыкшие, что на них смотрят. За его спиной висела учредительная хартия — настоящая, на пластиковом листе, реликвия. «Страховка вида». «Дом, который не подведёт».

— Сорок лет назад, — говорил Кляйн ровно, — мы пришли сюда не как гости. Мы пришли как наследники. Сегодня мы перестаём быть колонией, которая ждёт корабля с родины. Сегодня мы — мир.

Аплодисменты прокатились по залу. Майя стояла у пульта включения, Нора рядом — прямая, не сутулясь, как просили. На большом экране тикал обратный отсчёт до символического жеста: тридцать секунд до того, как Меридиан под камеры свернёт дублирующий канал и подтвердит вывод биомодулей. Жест. Подпись под взрослением.

В зале было празднично так, как бывает празднично только у тех, кто долго боялся. Кто-то развесил по переборкам ленты из обрезков фольги; дети постарше, рождённые уже здесь, сидели на плечах у родителей и махали флажками с эмблемой Меридиана — красный круг на чёрном. Камеры стояли в три точки, и Майя знала: запись пойдёт по защищённому каналу на Землю, к тем, кто сорок лет назад снаряжал эту колонию как страховку, — и они увидят, что страховка встала на ноги. Гордость в зале была густой, тёплой, осязаемой: гордость людей, которые наконец перестали быть чьим-то запасным вариантом и сделались собственным домом.

Нора стояла рядом, прямая, и не махала флажком, и смотрела не на Кляйна, а в тройное стекло, на голубую искру у горизонта. Майя проследила за её взглядом и тут же отвела свой. Сегодня был не день смотреть на Землю. Сегодня был день сказать ей, что она больше не нужна.

— Главный инженер жизнеобеспечения Майя Торрес, — сказал Кляйн, — даст нам дыхание свободного мира.

Майя положила руку на сенсор. Пятнадцать секунд. Десять. Где-то в зале, она знала, сидит мать — если осталась. Майя не искала её взглядом. Пять. Три.

Экран связи, до этого ровно отсчитывавший пинг до земных ретрансляторов, вдруг моргнул.

Это было неправильно — не по сценарию. Майя задержала ладонь над сенсором. На канале с Земли пошёл пакет — внеплановый, плотный, не тот раз-в-сутки бюллетень, что они получали годами. Звук пробился в зал прежде, чем кто-то успел его заглушить.

Голоса. Много голосов разом, наложенных друг на друга, рваных — десятки каналов, схлопнутых в один, будто кто-то открыл сразу все двери. Слов было не разобрать. Что-то кричали. Что-то повторяли. Один голос прорезался на секунду, женский, очень спокойный, и произнёс половину фразы — «...не пытайтесь восстановить, повторяю, не пытайтесь...» — и утонул.

Потом всё это разом смолкло.

И пошла линия. Ровная. Несущая частота без модуляции — чистый тон, какой бывает, когда на той стороне есть передатчик, но нет никого, кто бы говорил.

Зал не сразу понял. Аплодисменты ещё догорали в задних рядах, по инерции. Кляйн стоял с открытым ртом. На большом экране символический отсчёт дотикал до нуля и замер, ожидая ладони Майи.

Майя сняла руку с сенсора.

В наступившей тишине — настоящей, какой в колонии не бывает, потому что в колонии тишина означает поломку, — она вдруг услышала собственное дыхание. Слишком громкое. И гул вентиляции, ровный и равнодушный, гнал по куполу воздух, прошедший через мембраны двенадцать тысяч раз.

За тройным стеклом, низко над ржавым горизонтом, голубая искра стояла, где стояла, и больше не отвечала.

Часть 2. Число

V

Первым делом она решила, что врёт прибор.

Это было утром после Тишины — если можно говорить «утром» там, где сутки длиннее земных на сорок минут и держатся искусственным светом. Колония не спала всю ночь. Связисты гоняли все диапазоны и ловили одно: ровную несущую с Земли, передатчик без человека. Совет заседал за закрытой дверью. Кляйн выпустил сообщение из трёх предложений: «На Земле зафиксирован сбой связи. Причины устанавливаются. Поводов для тревоги нет». Майя проспала два часа на кушетке в центре и проснулась оттого, что один из биомов писал жёлтым.

Биом-три. Опылители.

Она вызвала камеру отсека и не поверила. На белом полу гидропонной палубы лежали пчёлы. Не десятки — слой. Они осыпались с цветущих стеллажей, как осыпается со стола просыпанная крупа, и продолжали осыпаться, пока она смотрела: одна, другая, гроздь. Сладковатый запах — он пробивался даже через камеру, так ей казалось, — запах перезревшего и начавшего портиться.

— Датчик роя врёт, — сказала она вслух, в пустой центр. — Калибровка поехала.

Она прогнала диагностику датчика. Датчик был исправен.

Майя спустилась в биом-три сама. Воздух здесь был влажный, тёплый, густой от запаха цветения — и от другого запаха, нового, тонкого, гнилостного. Пчёлы хрустели под подошвами. Она присела, набрала горсть. Они были целы — не раздавлены, не больны на вид. Просто мёртвы. Все разом, будто кто-то повернул один общий выключатель.

Опылители — ключевой вид. Это она знала из инструктажей, которые вела сама. Уберёшь опылителей — через поколение посыплется всё, что цветёт и плодоносит. Но «через поколение» — это месяцы. Это медленно. Это управляемо. Не за ночь.

Майя вернулась в центр и сделала то, что делала всегда, когда цифра не сходилась с миром: проверила цифру. Подняла историю датчиков биома-три за двое суток — ровная активность роя, потом обрыв, отвесный, в одну точку времени. Подняла телеметрию соседних отсеков — в биоме-два и биоме-четыре опылители живы, но активность ниже нормы, вялая, будто и до них дотянулось то, что выкосило третий. Запросила состав воздуха в третьем: кислород чуть ниже, углекислый чуть выше — неправильно для отсека, где только что перестали дышать пчёлы. Мёртвые пчёлы не жгут кислород. Значит, жгло что-то другое — что-то в почве, в стеллажах, в самом воздухе.

Пятнадцать лет приборы говорили ей правду быстрее, чем мир успевал её показать. Теперь они отставали. Показывали вчерашнюю норму там, где сегодня уже шло то, чему ещё не было имени, — и это отставание пугало Майю сильнее любой отдельной плохой цифры. Прибор, который врёт, можно перекалибровать. Прибор, который не успевает, означает, что мир пошёл быстрее системы.

Она открыла баланс кислорода по колонии — приход и расход, строка за строкой. Приход держался: биомы, электролиз, всё считалось. Расход рос. Реголитный сток — та химия красной пыли, что вечно тянула кислород, — стоял в таблице с прежней цифрой, и эту цифру сорок лет гасили с запасом, и запас был отдельной строкой, и строка эта со вчерашнего дня была пустой. Майя смотрела на пустую строку и не позволяла себе понять, что та значит. Не сегодня. Сегодня это была просто строка, которую убрал совет, под аплодисменты, ради эффективности.

Она ввела причину гибели как «неизвестно» и поставила биом-три на ручной контроль. Потом, уже поднимаясь, заметила краем глаза кривую кислорода по третьему куполу. Минус ноль целых четыре. Колебание. В пределах нормы — почти. Система должна была выправить такую просадку за полчаса, мягко, сама, как выправляла всегда.

Майя задержалась у экрана. Через сорок минут просадка не выправилась. Через сорок минут она была минус ноль целых пять.

Это было не страшно. Это было слишком мелко, чтобы быть страшным. Но система не выправляла, а должна была, и не было причины, по которой она бы не выправляла, кроме той единственной, которую Майя не позволяла себе додумать.

Она прижала два пальца к шее и сосчитала пульс. Пульс был быстрее, чем ему полагалось.

VI

— Закрывать, — сказал Кляйн. — Биом-три закрыть, данные не оглашать, в сводке — плановое обслуживание. Опылителей восстановим из резерва насекомых.

— Резерв насекомых был в дублирующих биомодулях, — сказала Майя. — Которые мы вчера вывели.

Они стояли в его кабинете — единственном помещении колонии, где было чисто. Хартия на стене. На столе ни пылинки. Кляйн смотрел на неё спокойно, и это спокойствие было профессиональным инструментом, как у Майи — манометр.

— Тогда восстановим иначе. — Он не дрогнул. — Майя, послушайте меня. Вчера у людей отняли Землю. Прямо во время праздника. Триста человек смотрели, как родина замолчала. Если сегодня вы выйдете и скажете, что у нас вдобавок мрут пчёлы и проседает кислород, вы получите не решение проблемы. Вы получите панику. А паника жжёт кислород быстрее любого реголита.

— Я не предлагаю кричать. Я предлагаю не врать.

— Мы не врём. Мы дозируем. — Он сложил руки. — Я видел панику, Майя. Двадцать лет назад, голодный год, когда сорвались поставки. Люди ломали склады. Топтали друг друга в коридоре у распределителя. От голода тогда не умер никто. От паники — четверо. Информация — это не всегда добро. Иногда это нож, который вы даёте трёмстам испуганным людям сразу.

Майя молчала. В его словах была правда — вот что было хуже всего. Не глупость, не трусость, а реальный урок, выученный на реальных трупах.

Майя смотрела на этого спокойного человека в отглаженной форме и впервые почти завидовала ему. У Кляйна была вера — простая, страшная, рабочая: что людьми можно управлять, дозируя им мир по капле, и что это милосердие. У Майи веры не было. У Майи было число, а число не утешало — число только считало. Они с Кляйном были, поняла она вдруг, два жреца одного храма: он молится спокойствию, она — точности, и оба молятся оттого, что под обоими пустота, в которую страшно смотреть. Колония висела над этой пустотой сорок лет, не глядя вниз, на тонкой нити веры, что родина подстрахует. Нить оборвалась вчера, в эфире, под аплодисменты. И теперь оба жреца торопливо подставляли под колонию каждый своё — Кляйн спокойствие, Майя расчёт, — и ни то, ни другое не держало. Держал буфер, которого больше не было.

— Дайте мне сутки, — сказал Кляйн мягче. — Разберитесь, что это. Скорее всего, транзистент. Шок после вчерашнего, наложение, совпадение. Вы сами говорили — система устойчива сорок лет.

— Система устойчива сорок лет, — повторила Майя.

И поймала себя.

Поймала на том, что в животе у неё, под всеми расчётами, под манометром и пульсом, лежала другая мысль — не инженерная, тёмная, древняя. Земля замолчала. И теперь, через день, у нас начинает осыпаться жизнь — тем же порядком, опылители, кислород, контур. Будто то, что выключило Землю, идёт за нами. Будто оно уже здесь, переползло через сорок миллионов километров пустоты и взялось гасить нас по одному, как погасило их.

Это была не мысль инженера. Это был страх, надевший маску логики. И Майя, которая всю жизнь отличала число от паники — «паника это когда нет числа, а у меня есть число», — впервые не была уверена, что отличает.

— Сутки, — сказала она. — Но если за сутки станет хуже — я выхожу к людям сама. С вашего согласия или без.

Кляйн наклонил голову — почти поклон.

— Вы хотите сказать им правду, — сказал он. — А я хочу, чтобы они до неё дожили.

VII

Хуже стало не за сутки. Хуже стало за ночь.

Её разбудил Томас — тряхнул за плечо, и по его лицу, обычно сухому и насмешливому, она поняла всё прежде слов.

— Водяной контур, — сказал он. — Майя, иди смотри. Я такого не видел.

Главный резервуар стоял на минус первом ярусе — десять тонн воды, прогоняемой через биофильтры, лёгкие и почки колонии разом. Майя знала эту воду прозрачной, чуть зеленоватой от полезных водорослей, живой ровно настолько, чтобы чистить себя самой.

Сейчас она светилась.

Бирюзовая муть стояла в толще, неестественно яркая под аварийными лампами, и по поверхности тянулась плёнка — маслянистая, переливчатая, как бензин в луже. Запах поднимался снизу через решётку — не химия, а болото, гнилостная сладость стоячей воды, какой в герметичном мире не должно быть никогда.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.